

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

1–4 октября 2001 г. в Санкт-Петербурге состоялась Международная научная конференция, посвященная 110-летию со дня рождения академика Виктора Максимовича Жирмунского. Особенность филологической науки XX столетия, как и всякой другой современной науки, состоит в дифференциации различных научных областей, зачастую сильно удаленных друг от друга. Эта специфика, как правило, исключает появление ученых-энциклопедистов, одинаково компетентных во всех областях филологической науки. Имя академика Виктора Максимовича Жирмунского (1891–1971) стоит в ряду счастливых исключений из этого правила, т.к. он был ученым поистине энциклопедического уровня. Предметом его научных интересов и занятий были и немецкая литература, и вопросы общего и германского языкознания, и русская поэзия Серебряного века, и вопросы теоретической поэтики и стихосложения, и компаративистика, и героический эпос Запада и Востока.

Конференция, на которой торжественно отмечался 110-летний юбилей со дня рождения ученого, была организована Санкт-Петербургским научным центром РАН и Институтом лингвистических исследований РАН при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Организатором и душой юбилейных торжеств был член-корреспондент РАН профессор Н.Н. Казанский, блестяще подготовивший конференцию. К юбилею под его редакцией были выпущены три книги: "Материалы конференции, посвященной 110-летию со дня рождения академика Виктора Максимовича Жирмунского", СПб., "Наука", 2001; "Академик Виктор Максимович Жирмунский: Биобиблиографический очерк. Изд. 3-е, исправленное и дополненное", СПб., "Наука", 2001; "Язык, литература, эпос: к 100-летию со дня рождения академика В.М. Жирмунского", СПб, "Наука", 2001 (последний сборник был подготов-

лен к печати в 1991 г. при участии ныне покойной д.ф.н. С.В. Смирницкой, но не смог быть в то время опубликован в силу тогдашних финансовых затруднений). 4 октября состоялось торжественное открытие мемориальной доски на доме, где В.М. Жирмунский жил и работал последние 20 лет своей жизни, а затем участники конференции побывали на могиле ученого на кладбище в пос. Комарово, где возложили цветы.

В первый день конференции, проходившей в здании РАН, состоялось пленарное заседание, посвященное теме "В.М. Жирмунский и его современники". Со вступительным словом к собравшимся обратился заместитель председателя СПбНЦ РАН проф. Ю.А. Петросян.

В концептуальном докладе профессора из США О. Ронена (Анн-Арбор, США) «В.М. Жирмунский и проблема "преодоления" в смене стилей и течений» рассматривались вопросы типологического подхода в литературоведении XX в. к литературе начала века, различию в типологии "больших стилей" в трудах Вельфлина, Курциуса, Жирмунского, Лотмана, Якобсона, Лихачева. Докладчик уделил внимание типам описаний основных течений в русском модернизме, а затем подробно остановился на концепции "преодоления" в статье Жирмунского 1916 г. "Преодолевшие символизм". Как известно, в этой статье Жирмунский выделял три поколения русских символистов. В докладе О. Ронена подробно анализируется динамическая модель смены стилей на примере типологизации Жирмунским этих трех поколений. Далее в докладе рассматриваются современные теории "синтетических стилей" в работах Вяч.Вс. Иванова, а также понятие литературной синхронии и диахронии в работах Р. Якобсона.

Последующие доклады утреннего и дневного заседаний были посвящены архивному наследию В.М. Жирмунского.

Взаимоотношения В.М. Жирмунского и А.А. Смирнова в 1917–1922 гг., их переписка стали темой сообщения дочери ученого В.В. Жирмунской-Аставацатуровой (Санкт-Петербург) "Переписка А.А. Смирнова и В.М. Жирмунского (1917–1922)" по материалам из семейного архива Жирмунских. С А.А. Смирновым, крупнейшим ученым-медиевистом, кельтологом, шекспироведом, основателем петроградско-ленинградской школы художественного перевода, Жирмунского связывала давняя дружба. В годы Гражданской войны судьба разделила их: Жирмунский преподавал в Саратове, а затем в Петрограде, Смирнов жил в Харькове, а затем в Симферополе. В письмах Смирнова к Жирмунскому этого периода предстает широкая панорама научной, литературной и интеллектуальной жизни России первых послереволюционных лет. В этих письмах отражается совместная работа двух ученых над изданием драматических произведений Байрона в серии "Всемирная литература", основанной Горьким; присутствуют восторженные отзывы Смирнова на книгу Жирмунского "Религиозное отречение", на его монографии о поэзии русских символистов Брюсова и Блока и на его труды по поэтике, которые он писал, работая в Государственном институте истории искусств, а также предстает картина научной и литературной жизни Харькова и Симферополя.

В докладе Н.Д. Светозаровой (Санкт-Петербург) «В.М. Жирмунский и его "Ленинградский архив немецкой народной песни"» рассматривается один из интереснейших периодов научной деятельности Жирмунского: его экспедиции в немецкие колонии на территории СССР в конце 1920-х гг. Фольклорная часть материала, собранного В.М. Жирмунским и его учениками во время экспедиций, составила основу созданного им "Ленинградского Архива Немецкой народной песни" (Das Deutsche Volkshederarchiv in Leningrad). Первоначально архив хранился в двух местах: в Институте истории искусств и в Институте речевой культуры. В настоящее время наиболее полное собрание текстов хранится в ИРЛИ (Пушкинский Дом) в Санкт-Петербурге, а также в личном архиве академика В.М. Жирмунского в Санкт-Петербургском отделении Архива РАН. Обширная коллекция представляет собой собрание немецких народных песен, баллад, бытовых, духовных и застольных песен. Материалы были собраны в немецких колониях Крыма, Одесской области, Ленинградской области, на Кавказе. Около 1000 мелодий было записано на восковые валики, а позд-

нее переписаны на магнитофонные кассеты. Звуковой материал Архива хранится в Фонограммархиве Пушкинского Дома. Лишь малая часть собранного В.М. Жирмунским и его коллегами и учениками богатейшего фольклорного и диалектологического материала была опубликована. Вместе с тем, как было отмечено в докладе, песенный архив Жирмунского представляет большой научный интерес. Островные диалекты были для Жирмунского своеобразной "лабораторией", позволявшей на относительно коротком и обозримом отрезке времени наблюдать процессы развития и смешения языков. В 90-е гг. Н.Д. Светозарова работала над изучением песенного архива Жирмунского совместно с сотрудником Архива Немецкой народной песни во Фрейбурге доктором Экхардом Йоном.

Эта же тема была продолжена в докладе К.В. Чистова (Санкт-Петербург) "В.М. Жирмунский и Дж. Мейер: эпизод из истории фольклористики". Докладчик рассказал о взаимоотношениях Жирмунского с выдающимся немецким фольклористом и этнографом XX века Дж. Мейером, изучавшим немецкую народную песню. Отношения двух ученых начались в конце 20-х гг., когда Мейер узнал о деятельности Жирмунского по собиранию и изучению немецкой народной песни. Однако после прихода нацистов к власти в Германии научные связи между СССР и Германией были прерваны. Лишь в 1940 г., в период советско-германского пакта, Дж. Мейеру удалось прислать Жирмунскому письмо и получить от советского ученого ответ. В докладе воспроизводится письмо Жирмунского Мейеру, в котором он сообщает о предстоящей рецензии в "Известиях Академии наук СССР" на недавно изданные Мейером тома немецких народных песен.

Архивному наследию В.М. Жирмунского был посвящен также доклад А.В. Лаврова (Санкт-Петербург) "В.М. Жирмунский и Ф.А. Браун (Письма учителя к ученику)". В архиве Жирмунского сохранилось 15 писем Ф.А. Брауна к нему за 1913–1925 гг. Федор Александрович Браун (1862–1939), крупнейший германист, ученик академика А.Н. Веселовского, заведовал кафедрой романо-германской филологии в Петербургском университете в годы учебы Жирмунского и в первые годы его научной деятельности. Жирмунский получал образование под его непосредственным руководством. Он посвятил ему свою первую работу "Немецкий романтизм и современная мистика". В соавторстве с Ф.А. Брауном Жирмунский написал статью "Немецкий романтизм и наука",

опубликованную в "Истории западной литературы" под ред. Ф.Д. Батюшкова (М., 1914). Все письма Брауна к Жирмунскому проникнуты искренней наставнической заботой и доброжелательством к талантливому молодому ученику, но вместе с тем исполнены ясного понимания того, что круг интересов и методологические подходы молодого Жирмунского существенно отличаются от тех, которым был привержен Браун, следовавший традиционным тогда установкам позитивистской методологии, отвергнутым Жирмунским. Значительная часть писем относится к 1913–1914 гг., когда Жирмунский, оставленный при Петербургском университете, был командирован в Германию для стажировки. В этих письмах Браун, радуясь достижениям Жирмунского в области изучения немецкого романтизма, вместе с тем советует не пренебрегать и другими областями германистики.

Продолжением темы "Жирмунский и современная ему германистика" прозвучал концептуальный доклад А.Г. Аствацатурова (Санкт-Петербург) "Фридрих Гундольф и Виктор Жирмунский (точки соприкосновения и расхождения)". В биографиях и научной методологии русского и немецкого ученых действительно было много общего: оба они не были представителями академической науки, а читали лекции в университетах, т.е. общались непосредственно с аудиторией; оба они отвергали позитивистскую методологию; оба были энциклопедистами, учеными с широкими горизонтами. Вместе с тем энциклопедичность этих ученых была не только собиранием фактов. Факт у них становился действенным, он способствовал широкому охвату всех пластов времени и культуры, а понимание историчности бытия распространялось на прошлое, настоящее и будущее. Оба ученых были блестящими исследователями немецкого романтизма, создавшими его целостную картину. Жирмунский высоко ценил первую книгу Гундольфа "Шекспир и немецкий дух", нанесящую достаточно ощутимый удар по позитивистской компаративистике. Для русского и немецкого ученых методом для сравнительного исследования воздействий и взаимодействий может быть только переживание, поскольку, как считает Гундольф, история не имеет ценности, если она не пережита. В методологии Гундольфа и Жирмунского компаративистика превращалась в интерпретирующую науку. Гундольф и Жирмунский в своих исследованиях не ограничивались эпохой романтизма, но и занимались изучением современной им поэзии XX века: Жирмунский писал об Алек-

сандре Блоке, а Гундольф о Стефане Георге. Совпадение и расхождения точек зрения двух выдающихся ученых дают интересную картину филологии XX века.

Взаимоотношениям В.М. Жирмунского с крупнейшими отечественными филологами 1920-х годов были посвящены доклад А.Н. Дмитриева (Санкт-Петербург) "Полемика В.М. Жирмунского с формальной школой и немецкая филология" и доклад Д.В. Устинова (США) "В.М. Жирмунский и Г.А. Гуковский в 1920-е годы".

В докладе А.Н. Дмитриева рассматривается основной пункт расхождений В.М. Жирмунского и Эйхенбаума по вопросам истолкования поэтики. Для Жирмунского 1920-х годов, сблизившегося с принципами немецкой духовно-исторической школы (О. Вальцель, Ф. Штрих, Р. Унгер), в поэтике речь шла о том, чтобы наиболее точными (стихovedческими и фонетическими) средствами аргументировать тезис о противопоставлении двух художественных стилей: романтико-символического и объективно-классицистического (от Пушкина до Ахматовой). Специфика различных истолкований проявила себя в полемике вокруг книги Б.М. Эйхенбаума "Мелодика стиха". Окончательное расхождение Жирмунского с представителями Опояза было зафиксировано в предисловии к переводу брошюры О. Вальцеля "Проблемы формы в поэзии", где Жирмунский резко разделяет собственно формальный метод (изучение художественной формы) и одностороннее формалистское мировоззрение Шкловского, Эйхенбаума и Якобсона. Отношение к иностранной филологии (в первую очередь немецкой) стало одним из немаловажных пунктов расхождения внутри самой формальной школы между основной тройкой (Эйхенбаум, Тынянов, Шкловский) и московским крылом формально-философской школы во второй половине 20-х гг. Вывод докладчика о том, что русской формальной школе в наибольшей степени удалось разработать исторический и функциональный подходы к изучению развития литературы, чем их немецким и российским коллегам, вызвал оживленную дискуссию в прениях.

В докладе Д.В. Устинова отношения между Г.А. Гуковским и В.М. Жирмунским рассматриваются не только как личная многолетняя дружба, но и как литературное и научное явление. Если на раннем этапе своей научной работы Гуковский находился под влиянием формалистов, в частности Б.М. Эйхенбаума, то в дальнейшем он отходит от классических опоязовских установок

и все больше сближается с методологией Жирмунского, в частности в признании некоторых традиционных историко-литературных и эстетических категорий, в том числе классицизма и романтизма как единых стилей отдельных литературных эпох. По мере сближения Гуковского с Жирмунским, обострялись его отношения с бывшими учителями формальной школы. Помимо научных взглядов, Гуковского и Жирмунского сближало стремление к обретению социального положения, позволявшего им заниматься полноценной научной деятельностью, не снижая ее уровня, что предполагало диалог с господствовавшей идеологией и властью. Такое стремление к диалогу и компромиссу зачастую воспринималось опоздовцами как проявление карьеризма, что было несправедливым. В докладе приводятся примеры помощи Жирмунского своему младшему другу в период совместной работы в стенах Государственного института истории искусств.

Косвенное отношение к истории русских формалистов имело и сообщение Л.Г. Степановой (Санкт-Петербург) и Д.В. Устинова "О судьбе Владимира Борисовича Шкловского" (два письма Виктора Шкловского к В.Ф. Шишмареву). Брат русского формалиста Владимир Борисович Шкловский, талантливый филолог-романист, был репрессирован в 1937 г. Письма Виктора Шкловского В.Ф. Шишмареву с просьбой принять участие в судьбе арестованного брата содержат сведения о нем как ученом и человеке. Письма датированы 1940 годом, когда Владимира Борисовича Шкловского уже не было в живых.

2 октября состоялись заседания секций **сравнительно-исторического языкознания и сравнительного литературоведения**.

На секции сравнительного литературоведения два доклада были посвящены литературным памятникам Средневековья. В докладе М.Б. Мейлаха (Страсбург, Франция) «Еще раз о "дальней любви" Джауфре Рюделя» рассматривалось жизнеописание провансальского трубадура Рюделя, полюбившего графиню Триполитанскую и отправившегося в крестовый поход. Докладчик исследовал мотив "дальней любви", распространенный в средневековой куртуазной поэзии, а также фольклорные мотивы, связанные с препятствиями, призванными придать этой любви ореол святости. Лирика провансальских трубадуров на протяжении ряда лет была основной темой научных интересов докладчика (выпустившего в 1993 г. в серии "Литературные памятники" книгу "Жизнеописания трубадуров"). В своем сообщении докладчик

также рассказал о том, как в свое время В.М. Жирмунский посоветовал ему, тогда еще молодому аспиранту, заняться этой, к тому времени уже забытой темой.

Русской средневековой письменности был посвящен доклад Т.В. Рождественской (Санкт-Петербург) «Об отражении устной и письменной традиции в "Повести временных лет" (речи – писати, рота – клятва)». Докладчица рассмотрела отражение в летописи русско-византийских договоров (оригиналы которых не сохранились) и различие в средневековом сознании и юридической практике функций устного и письменного слова. Докладчица убедительно доказывает на основании текста летописи, что в X веке при составлении договоров устное слово имело такую же юридическую силу, как и письменное.

Проблемам русско-французских связей начала XX века был посвящен доклад П.Р. Заборова (Санкт-Петербург) «Драма Вилье де Лиль-Адама "Аксель" в переводе М. Волошина». Докладчик подробно рассмотрел историю знакомства русского символиста с творчеством французского писателя, а также стилистические особенности волошинского перевода: использование, с одной стороны, славянизмов и библизмов, а с другой – неологизмов. Вступительная статья Волошина к драме была напечатана в журнале "Аполлон", однако перевод так и не был опубликован, и только в 1975 г. в печати появился фрагмент из волошинского перевода.

Среди научных интересов В.М. Жирмунского большое место занимала пушкинистика. Естественно, что на конференции этой теме было уделено большое внимание. В докладе И. Ронен (Анн-Арбор, США) «Опыт байронической поэмы в пушкинской переработке "Мера за меру"» рассматривается поэтика поэмы Пушкина "Анджело" и смысловые и композиционные изменения пушкинского текста по сравнению с шекспировским оригиналом. В соответствии с жанровыми особенностями пушкинских поэм, генетически связанными с "восточными" поэмами Байрона, возросла роль романтизированных центральных персонажей. Повествовательный интерес сосредоточен на драматическом диалоге-поединке Анджело и Изабеллы. Наряду с этим докладчица отмечает и ироническое начало, свойственное "второму байронизму" Пушкина.

Доклад М. Тарлинской (США) "Пушкин и Байрон" возвращает читателя не только к книге Жирмунского "Байрон и Пушкин", но и к его поздней статье, посвященной типологическому сопоставлению стихотво-

рений Байрона и Гете. Докладчица присоединяет к этим двум произведениям стихотворение Пушкина южного периода "Кто видел край, где роскошно природы...", и проводит поэтико-стилистическое сопоставление трех стихотворений.

Вопросам пушкинистики, в частности теме "Дуэль и смерть Пушкина", был посвящен также доклад В. С. Баевского (Смоленск) "Последняя дуэль Пушкина в свете вновь опубликованных документов", в котором рассматриваются письма Дантеса к Геккерену за 1835 и 1836 гг., опубликованные несколько лет назад на итальянском языке и приведенные в русском переводе в книге итальянской исследовательницы С. Витале (С. Витале, В. Старк. Черная речка. До и после. СПб., 2000). На основании этих писем, 8 из которых касаются Пушкина и Гончаровой, исследователь приходит к выводу, что "год с осени 1835 по осень 1836 был временем глубокой платонической любви Дантеса и Натальи Николаевны", а "время с октября 1836 по январь 1837 г. был периодом преследования и травли Наталии Николаевны и Пушкина со стороны Дантеса и Геккерена", что и послужило причиной дуэли.

В научном наследии В.М. Жирмунского большое место занимают вопросы стихосложения. Этой тематике были посвящены три доклада на литературоведческой секции конференции.

В докладе О.Н. Гринбаума (Санкт-Петербург) «"Онегинская строфа" как феномен русского стихосложения» представлены основные результаты изучения Онегинской строфы как эстетического целого стихотворного текста. Исследование романа Пушкина "Евгений Онегин" проводилось в сопоставлении с произведениями Лермонтова, Баратынского, Северянина и других поэтов, написанными Онегинской строфой. Это позволило получить ряд новых результатов в одном из наименее разработанных аспектов стиховедения – композиции и архитектоники стиха. Работа связана с традиционными исследованиями ритмики поэтического текста, а изучение структуры строфического ритма проводилось на базе предложенного автором метода ритмико-гармонической точности. В основу этого метода положен принцип "золотого сечения". Динамическая интерпретация этого закона в виде числовых рядов Фибоначчи позволяет не только разграничить структурно-формальный и структурно-функциональный аспекты формы, но и осознать действенную силу этого закона как основополагающего фактора саморазвития поэтической мысли.

Проблемам рифмы был посвящен доклад Е.В. Хворостьяновой (Санкт-Петербург) "Условия и условности тавтологической рифмы". Для описания русской тавтологической рифмы исследовательницей было отобрано 473 рифмопары из произведений русских поэтов XIX–XX вв. и для сравнения – 70 рифмопар из северорусских заговоров. Исследование позволило выявить несколько закономерностей. Во-первых, во всех без исключения случаях как в литературном стихе, так и в стихе заговоров, появление тавтологической рифмы не связано с проблематичностью подыскания созвучной слову пары с другим лексическим значением. Во-вторых, как правило, тавтологическая рифма падает на существительные и глаголы, т.е. наиболее значительные части речи. В-третьих, наблюдается относительно высокая частотность в тавтологической рифме имен собственных.

Стиховедческой проблематике был посвящен также доклад М.А. Красноперовой (Санкт-Петербург) и Е.В. Казарцева (Санкт-Петербург) "Ритмическая интерпретация текста во взаимодействии традиций". Отталкиваясь от ритмической классификации, принятой в книге Жирмунского "Введение в метрику" (1925) и продолженной дальнейшими исследованиями А.Н. Колмогорова и А.В. Прохорова в 1968 и 1985 гг., авторы доклада выделяют три уровня, на которых рассматривается вопрос о распределении слов и ударений по классам: 1. Словарь; 2. Текст; 3. Метр. На основе принятой классификации строятся "нормативные" правила ритмической записи стихотворного текста, которые соответствуют схеме Колмогорова и Прохорова. Эта система наиболее близка к практике Б.В. Томашевского, Г.А. Шенгели, К.В. Тарановского и примыкающих к ним исследователей.

Среди научных тем, которым Жирмунский оставался верен в течение всей жизни, было изучение романтизма, европейского и русского. Проблемам романтизма были посвящены доклады Г.М. Темненко (Симферополь, Украина) "Романтизм преодоленный, но непреодолимый" и А.Ю. Сергеевой-Ляпис (Москва) «"Таврида" Батюшкова – романтическое бегство или ... (К проблеме идентификации ампира и романтизма)». В докладе А.Ю. Сергеевой-Ляпис анализируется стихотворение Батюшкова "Таврида" и отмечается антитеза "Таврида – Петербург". Таврида для Батюшкова – благословенный, сладостный уголок, идеал поэта как воплощение живой античности.

Ряд сообщений был посвящен литературе XX века, русской и европейской. Два доклада были тематически связаны и касались жизни и творчества О.Э. Мандельштама: доклады Г.А. Левинтона (Санкт-Петербург) "Из комментариев к поэзии Мандельштама" и О.А. Лекманова (Москва) "К построению биографии О.Э. Мандельштама".

Проблемам русской поэзии XX века был посвящен также доклад А.Л. Дмитриенко (Санкт-Петербург) "К проблеме интертекстуальности в поэтических произведениях Вагинова". Докладчик проанализировал стихотворение К. Вагинова "Темнеет море и плывет корабль...", вошедшее в неизданный при жизни автора поэтический сборник "Петербургские ночи" (Пб., 1922), сопоставляя образы этого стихотворения с другими стихотворными текстами и исходя из установки на тотальную обусловленность и опосредованность стихов Вагинова текстом мировой культуры. В докладе анализируется образ моря в стихотворении. Антропоморфизация моря в комментируемом стихотворении обнаруживает свою цитатную природу (в том числе автоцитатную). Мотив уподобления человека морской стихии приводится докладчиком и в других стихах Вагинова. Мысль о тождественности человека и моря восходит к романтической идее моря и концепции "свободной стихии" в поэзии XIX века. Возможно, непосредственным источником для Вагинова послужило стихотворение Бодлера "Человек и море". В докладе рассматривается также мотив появления кораблей и мотив умерших или потонувших кораблей.

Доклад А.А. Аствацатурова (Санкт-Петербург) "Т.С. Элиот в контексте эстетического консерватизма XX века" представлял собой попытку начертить модель эстетического консерватизма XX в. Подобно большинству представителей эстетического консерватизма, для Элиота в качестве механизма, дающего художнику ограничить свое человеческое "я" выступает литературная традиция. Докладчик подробно рассматривает обоснование идеи традиции в эстетической концепции Элиота. Традиция, в его понимании, регулируется "чувством истории", которое предполагает ощущение прошлого не только как прошедшего, но и как настоящего. Элиот отрицает либеральное представление о самоценности художника и произведения на историко-культурном уровне. Современную ему культуру консерватор воспринимает как катастрофу, разрушение целостного видения реальности, базировавшегося на знании абсолютных ценностей.

В докладе В.Е. Багно (Санкт-Петербург) "Мировые образы и властители дум как наследуемая модель жизни" рассматривается такое явление русской культуры, как ориентация на некие жизненные модели, ассоциирующиеся в одних случаях с реальным историческим лицом (Вольтер, Байрон, Гегель, Ницше), а в других – с мировым образом (Дон Кихот, Дон Жуан, Вертер, Гамлет). Речь идет о стилизации, которая становилась стилем жизни. При этом неизбежно происходила вульгаризация великих идей и поведенческих моделей, завещанных творцом и пародируемых его почитателями и последователями. Изучение судьбы великих имен в инациональном восприятии, феномена "чужого имени" как модели жизни представляется, по мнению докладчика, особенно перспективным именно в компаративном плане.

2 октября заседала секция **сравнительно-исторического языкознания**.

В докладе Л.Г. Герценберга (Санкт-Петербург) "О развитии форм презенса в языках Ближнего Востока" рассматриваются формы индоевропейского презенса в языках иранской группы (персидском, шугнанском, гилянском), семитских языках (арамейском, арабском, еврейском), армянском (древне- и новоармянском), тюркских языках. Закономерности двукратной перестройки форм настоящего времени представляют собой, как было показано в докладе, общее, ареальное свойство языков Ближнего Востока. Докладчиком была высказана гипотеза, что движением этой диахронической модели явилось появление тюркских языков, которые не только повлияли на общий ход развития презентных форм, но и вызвали к жизни вспомогательное модальное и фазовое употребление некоторых семитских глаголов, которые "стянулись" в частицы. Как указал докладчик, рассмотренные процессы указывают на плодотворность идеи В.М. Жирмунского о том, что к задачам сравнительно-исторического языкознания относится анализ параллельно протекающих процессов, нередко вызываемых ареальными контактами.

В докладе М. Таубе (Иерусалим, Израиль) "Фокализация в идиш – пример интерферирующего влияния славянских языков" обращается внимание на явления заимствования некоторых славянских морфем в языке идиш, восходящем к средневерхнемецким диалектам. Пример непосредственного заимствования – суффикс *-eve-* из славянского *-о-ва-*, *-ев-а-*, *-и-ва-*, *-ы-ва-*, обозначающий как в славянских языках, так и в идиш определенные оттенки несовершенного вида гла-

гола. Менее очевидны интерференции, развившиеся в заимствовании грамматической функции при сохранении самой морфемы в ее германском фонетическом облике. В докладе более подробное внимание уделяется заимствованию значения фокализации у местоимения среднего рода единственного числа *dos* (= нем. *das*), присущего соответствующим славянским формам в польском, украинском и русском языке.

В докладе Ю.В. Откупщикова (Санкт-Петербург) "Германский, балтийский и славянский" рассматривается генетическая близость германских и балтийских языков, а также исключительная архаичность последних (в первую очередь, литовского) как причины, определяющие важную роль, которую играет балтийский материал при этимологизации лексики германских языков. В докладе приводятся примеры лексических параллелей из готского, английского, немецкого и литовского, когда в целом ряде случаев германские слова имеют надежные соответствия только в балтийских языках. Приводятся примеры германо-балто-славянских изоглосс, которые охватывают не только отдельные слова, но и производные от них. Архаичный характер балтийских языков, сохранивших древнейшие значения многих простых глаголов, помогает пролить свет на этимологию германских слов, утративших свое исконное значение, в частности, в результате развития переносных значений. В силу всех этих причин материал балтийских языков играет важную роль в процессе этимологизации германской лексики.

Доклад В.П. Калыгина (Москва) "Итало-кельтская гипотеза сегодня" представляет собой полемику со сторонниками гипотезы итало-кельтского единства, классическая формулировка которой принадлежит А. Мейе. В докладе приводится материал, собранный сторонниками данной гипотезы, однако, по мнению докладчика, этот материал трудно истолковать как свидетельство тесного генетического родства. Более перспективной, по мнению докладчика, представляется точка зрения, согласно которой отмеченные итало-кельтские связи говорят о некоем периоде тесных контактов, которые были характерны для определенного периода истории пра-кельтов.

Проблемам кельтологии был также посвящен доклад А.И. Фалилеева (Дублин, Ирландия – Санкт-Петербург) "Данные средневековых кельтских языков и кельто-германские схождения в области антропонимики". Анализируя данные средневековых островных кельтских языков, докладчик

приходит к выводу, что они могут служить значительным подспорьем для изучения германо-кельтских схождений в антропонимике. В докладе рассматривается ряд средневековых двусоставных валлийских, бретонских, корнских и ирландских имен, которые имеют параллели в германской ономастике.

Доклад А.В. Грошевой (Санкт-Петербург) "К истории лат. *truncus*" возвращает нас к статье В.М. Жирмунского "Происхождение категории прилагательных в индоевропейских языках в сравнительно-грамматическом освещении" (1946), в частности, к положению о первоначальном единстве категории имени. В качестве иллюстрации явлений, изучаемых В.М. Жирмунским в этой статье, докладчик рассматривает историю латинского именного образования *truncus*, относящегося к ряду амбивалентных имен. Приводятся основные значения этого слова как существительного (1. Ствол дерева; 2. Туловище человека) и как прилагательного (1. Лишенный ветвей; 2. Искалеченный, увечный). Рассмотрев данные различных словарей, докладчик предполагает, что в столь отдаленные времена, к которым должно относиться возникновение понятия дерева и его обозначение, четких границ между существительным и прилагательным не было. Путь превращения существительного в прилагательное был указан еще в статье Жирмунского: "атрибутивное употребление существительного". Таким образом, докладчик приходит к выводу, что лат. *truncus* является очень древним именным образованием, сохранившим в истории латинского языка грамматически амбивалентную природу, некогда присущую именам на архаической стадии развития и.-е. языков.

Два доклада были посвящены проблемам востоковедения.

В докладе Я.В. Василькова (Санкт-Петербург) "Индийская сказка на скифском Алтае: семантическая интерпретация рисунка на зеркале из могильника Рогозиха-1 (V век до н. э.)" представлены результаты изучения археологических находок 1985 г. в могильнике Рогозиха-1 на Алтае – зеркала с изображением слона и женских фигур в индийских одеждах. Подробное изучение рисунка на зеркале приводит автора к выводу, что на нем изображен сюжет древней индийской сказки, который удалось найти в "Океане сказаний" Сомадэвы – огромном сказочном санскритском сборнике XI в., представляющем собой переложение более древнего пра-критского "Великого сказа" (I–II вв. до н.э.), который, в свою очередь основывался на глубокой фольклорной традиции. Сюжет

сказки состоял в получении царем страны Ратнакута чудесного летающего белого слона, на котором царь мог полететь в любое царство и просить тамошнего царя отдать ему свою дочь в гарем. Когда внезапно слон перестал летать, его можно было исцелить лишь с помощью женщины, которая была всегда верной женой. Никто из жен царя не смог это сделать, кроме одной бедной служанки. После исцеления слона царь полетел на нем к отцу служанки и просил в жены ее сестру. Мораль сказки – женская добродетель важнее знатности происхождения. Этот сюжет органично увязывает между собой все детали изображения на зеркале. Обнаружение на индийском зеркале не мифологического, а светского сюжета не может удивить исследователя, поскольку в Индии в середине I тыс. до н. э. уже возникает городская цивилизация с зачатками куртуазной культуры.

В докладе И.М. Стеблина-Каменского (Санкт-Петербург) "Имя Александр – Искандар в иранской эпической традиции" рассматриваются различные этимологии имени *Искандар* в иранском эпосе ("Шахнаме", "Искандарнаме"), где Искандар был сыном иранского царя и получил свое имя по названию целебной травы, исцелившей его мать. Персидское *искандар* ассоциировалось с заимствованным из греч. σκόρ(ο)δον ("чеснок"), известный своими целебными свойствами. Что касается греческого имени *Александр*, которое носил Александр Македонский, то дословная этимология (скорее всего, народная) – "защитник мужей". Но, как считает докладчик, это имя, по всей видимости – адаптация какого-то малоазиатского имени. Таким образом, в имени румского царя Искандара два слоя народных этимологий – греческий и персидский.

В докладе Н.Н. Казанского (Санкт-Петербург) "Именные формы глагола в индоевропейских языках (грамматика порядков и проблемы реконструкции)", рассматриваются отглагольные именные формы, засвидетельствованные во всех индоевропейских языках (в одних языках – инфинитивы и причастия, в других – супины и отглагольные прилагательные). В докладе проводится реконструкция именных форм глагола в хеттском, ведическом и классическом санскрите, микенском и классическом греческом и латинском языках. Для хеттского языка засвидетельствованы образования на *-anna*, на *-war* со значением инфинитива, причастия на *-anza*, сопоставимые с причастиями на **-nt* в других и.-е. языках, именные образования в ведическом санскрите (отглагольные прилагательные на *-tal-na*, инфинитивы на *-e*, раз-

личные формы инфинитива, функционально соответствующие значениям различных падежей). Совпадение формальных показателей между разными индоевропейскими традициями не случайно, а отражает развитие системы. Формирование категории инфинитива на материале конкретных языков проследить не удастся, поскольку уже с первых памятников в различных языках инфинитив существует как грамматическая категория, называющаяся абстрактное действие. Рассматриваются различные случаи инфинитива должностования. Однако прямая соотнесенность между грамматическим значением и формальным его выражением отсутствует. В результате дальнейшего развития языка выживает лишь одна из именных форм (инфинитив в романских языках, инфинитив в германских языках, инфинитив в славянских языках), т. е. система глагольных имен обедняется и сводится к причестию и инфинитиву. Супин исчезает уже в старославянском. Обилие реликтовых форм в ранних текстах заставляет думать о широком распространении отглагольных имен в праиндоевропейском. При осмыслении таких явлений, как совпадение показателей по форме, можно использовать грамматику порядков. Приводятся примеры инфинитивов в различных греческих диалектах классического периода.

В докладе А.Ю. Русакова (Санкт-Петербург) "В.М. Жирмунский, грамматикализация, балканистика" рассматриваются явления схождения между балканскими языками и поднимается вопрос о том, что если чисто теоретический подход к трактовке схождения между балканскими языками практически исчерпан, то ответы на вопросы, когда возник тот или иной балканизм, какой конкретный язык явился его источником, какова была контактная ситуация, остается по-прежнему открытым. С этой точки зрения, балканизмы отнюдь не представляют собой однородного явления. Генезис некоторых из них не представляет собой особо сложной исторической проблемы. В качестве примеров приводятся формы аналитического будущего, образованного с помощью частицы, входящей к глаголу желания, сюда же можно отнести и группу балканизмов, возникающих, когда носители различных языков пытаются общаться друг с другом наиболее эффективным способом (местоименное удвоение дополнений). Возможно, здесь имело место турецко-османское влияние. С другой стороны, исторические обстоятельства возникновения ряда явлений, традиционно включаемых в круг балканизмов, представ-

ляют серьезную проблему. Сюда относятся, прежде всего, чрезвычайно глубокие сходения в строении именной парадигмы и функционирования именной группы в целом,

существующие между албанским и восточно-романскими языками.

В. В. Жирмунская-Аствацатурова
(Санкт-Петербург)

С 15 по 17 апреля 2002 г. в Санкт-Петербурге прошла конференция, посвященная 90-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН Агнии Васильевны Десницкой (1912–1992). Конференция была организована Институтом лингвистических исследований РАН совместно с Санкт-Петербургским Научным центром РАН¹.

В работе конференции приняли участие ученые из России, а также из Албании, Македонии, Молдовы, Франции, Польши, Таджикистана. Ряд специалистов – зарубежных коллег А.В. Десницкой, заявивших о своем участии в конференции, – смогли участвовать в ней лишь заочно, прислав тезисы докладов. Это ученые из Германии, Израиля, Канады, США. Состоялись два пленарных и шесть секционных заседаний, на которых было заслушано 39 докладов.

Ко дню открытия конференции были подготовлены и изданы две книги: сборник "Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН Агнии Васильевны Десницкой" (Отв. ред. член-корр. РАН Н.Н. Казанский. СПб., "Наука", 2002) и книга "Агния Васильевна Десницкая: Биобиблиографический очерк" (Составление библиографии и вступительная статья А.В. Жугры. Описание архивных материалов А.Н. Анфертьевой и И.А. Магина / Отв. ред. член-корр. РАН Н.Н. Казанский. СПб., "Наука", 2002).

На открытии конференции от имени Президиума СПбНЦ РАН выступил заместитель Главного ученого секретаря проф. Ю.А. Петросян (Санкт-Петербург), сказавший о заслугах А.В. Десницкой в развитии отечественной науки и о своих встречах и беседах с А.В. по вопросам балканской тюркологии. Программа первого пленарного заседания включала также, наряду с научными

докладами, мемориальную часть, – с воспоминаниями об А.В. Десницкой как о выдающемся ученом и как о яркой личности выступили: Л.Г. Герценберг (Санкт-Петербург), Н.А. Чистякова (Санкт-Петербург), А.В. Бондарко (Санкт-Петербург), С.А. Шубик (Санкт-Петербург)².

В пяти докладах пленарного заседания уже были обозначены некоторые из основных направлений и характерных черт научного творчества А.В. Десницкой: индоевропейское языкознание, германистика, балканская лингвистика, славянский мир и Балканы и, наконец, принцип историзма в подходе к анализу языковых явлений, принцип, который с полным правом можно считать научным кредо А.В. Десницкой.

Л.Г. Герценберг в своем докладе остановился на оригинальной теории А.В. Десницкой, составившей основу ее докторской диссертации и далеко не полностью отраженной в опубликованных работах. Речь идет о концепции, согласно которой праиндоевропейские синтаксические ("актантные") падежи обладали функциями, которые отнюдь не совпадают с позднейшими функциями падежей; в рамках этой концепции восстанавливался *casus indefinitus*, реконструировались элементы инкорпорации, по-новому объяснялся генезис падежных окончаний. Концепция А.В. Десницкой в ряде отношений превосходит некоторые более поздние открытия, однако многие ее положения практически не были учтены в ходе последующих разысканий; возможно, в условиях давления "нового учения о языке" автору приходилось избегать распространения своих взглядов. Доклад В.М. Павлова (Валльдорф, Германия – Санкт-Петербург) был посвящен анализу статьи А.В. Десницкой "Словосложение" (1935), написанной на германском языковом материале. Докладчик

¹ Проведение конференции и издание подготовленных к ее открытию материалов осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, грант 02-04-14041 и РФФИ, грант 00-15-98858.

² Подробное рассмотрение научного творчества А.В. Десницкой и воспоминания о ней содержатся в первом разделе книги "Studia linguistica et balcanica: Памяти Агнии Васильевны Десницкой (1912–1992)" (Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб., "Наука", 2001).

отметил, что А.В. Десницкая рассматривала словосложение не только в генетической плоскости (исторический процесс отношений синтаксиса и лексикона), но и в функциональной, сближая немецкое словосложение с инкорпорацией и выдвинув положение о наличии в немецком особого композитного синтаксиса. Анализ статьи более чем 60-летней давности показал, что избранный ее автором подход к обсуждаемой проблеме "составил важную предпосылку формирования теории полевой структуры языковой системы и ее подсистем". В докладе Т.В. Рождественской (Санкт-Петербург) "Древнеславянская эпиграфика на Балканах" содержалась характеристика древнейших памятников славянской письменности (рубеж IX–X веков и первая треть X в.) и их роли как базы источников для исследования проблем развития славянской письменности и славянских языковых явлений. Проблемы дивергенции и конвергенции языкового развития в балканском ареале рассматривались в докладе В.П. Нерознака (Москва). Методологическую важность принципа историзма в этимологических исследованиях и его многоаспектность показал в своем докладе Ю.В. Откупщиков (Санкт-Петербург). Известно, что даже элементарное сопоставление генетически родственных слов можно проводить лишь через посредство промежуточных реконструированных форм. Однако принцип историзма – это не только реконструкции в широком смысле этого слова. Предлагая этимологии праиндоевропейского уровня, исследователь вынужден пользоваться материалом языков, находящихся на разных уровнях развития и относящихся к различным хронологическим эпохам. И здесь главная трудность – это неравномерность в развитии языков: даже относящийся к одной и той же эпохе материал разных языков может оказаться хронологически несопоставимым, ибо "хронология и уровень развития языка далеко не всегда совпадают между собой" (напр. русск. *небеса* более архаично по структуре, чем др.-греч. *νέφη*). Другая опасность таится в своего рода "модернизации", т.е. в привнесении особенностей языка более поздней исторической эпохи в реконструкцию доистории языка.

В секции **сравнительно-исторического языкознания** было прочитано шесть докладов. М.Н. Боголюбов (Санкт-Петербург) в своем докладе продемонстрировал наличие в древности приема преобразования аналита простой основы как одного из способов словотворчества. Это положение было сформулировано на основе этимологического ана-

лиза совр. перс. *axtar* "звезда" и *axgar* "горящий уголь, искра", восходящих к др.-иран. **star-* "звезда" и **skar-* "горящий уголь, искра" (н.-е. **ster-* и **sker*). Фактически впервые паронимическая аттракция (берущая, как показал М.Н. Боголюбов, свое начало в поэзии) была в таком качестве использована для этимологического анализа. В докладе Н.Н. Казанского (Санкт-Петербург) предложена разработка на греческом материале двух проблем, исследованием которых занималась А.В. Десницкая, – формульные выражения наддиалектного уровня и регенерация древних морфологических показателей. Анализируя греческую эпическую формулу *θεοὶ ἀθάνατοι* "бессмертные боги", автор предположил, что "неправильности" прилагательного *ἀθάνατος* могут объясняться неправильным прочтением писцами этого слова в микенской графике, а его дальнейшее развитие, протекавшее в рамках наддиалектного поэтического языка, закрепило отход от исконной семантики принципиальной "неубиваемости" (корень **ghwen-*) в пользу бессмертия как новой характеристики божества. А.В. Грошева (Санкт-Петербург) в своем докладе сравнила судьбу двух латинских паронимов: *bucca* "щека, кусок пищи, который можно принять за один раз" и *bacca* "ягода". Первая из этих лексем была в свое время исследована А.В. Десницкой. Рассмотрев судьбу лат. *bacca*, А.В. Грошева выявила сходства и различия как в ходе семантического развития указанных слов, так и в путях их распространения. В докладе В.И. Мажуги (Санкт-Петербург) поставлена проблема создания античных учебников латыни. Докладчик сделал попытку реконструировать творчество латинских грамматиков и установить некоторые вехи в движении грамматической мысли. Как показал докладчик, первые учебники создавались на основе материала, почерпнутого у великих грамматиков предшествующего периода – I–II вв. н.э. Доклад А.Р. Мурадовой (Москва) был посвящен проблеме галло-бриттского единства, которое предполагается на основе анализа соотношения географических и собственно лингвистических, дополняемых историческими, критериев классификации кельтских языков. Кельтской тематике был посвящен также доклад И.В. Крюковой (Санкт-Петербург), в котором рассматривались основные служебные функции глагола *dūanam* "делать" в ирландском языке, проявляющиеся в различных типах глагольно-именных сочетаний, выступающих в предложениях как единый предикат. Становление аналитических форм глагола в ирландском происходит, по

мнению автора, в связи с недостаточной маркировкой флексий (по причине фонетических изменений конца слова), а также в связи с интенсивными контактами с латинским и с германскими языками. В этой же секции предполагались доклады В. Бубеника (Торонто, Канада) об эволюции хеттской системы постпозитивных формантов и Ю. Лаучюте (Клайпеда, Литва – Санкт-Петербург) о проблеме древних балто-славянских языковых контактов в области лексики (словообразовательный аспект) (см. Материалы ...).

В секции **общего и ареального языкознания** было прочитано четыре доклада, два из которых были посвящены различным аспектам языковой вариативности. В докладе Л.Б. Копчук (Санкт-Петербург) был поставлен вопрос о статусе обиходно-разговорного языка в системе немецких социолектов. Эта языковая формация, имеющая сложный и противоречивый характер, представляет собой, по мнению автора, один из типов социальных вариантов, и в то же время она соотносится с диалектическими (стилистическими) разновидностями системы языка. Языковая вариативность, свойственная начальным этапам становления литературных языков, стала темой доклада Н.А. Бондарко (Санкт-Петербург) и М.Л. Кисилиера (Санкт-Петербург). Авторы рассмотрели характер и типы языкового варьирования, сопоставив: а) разные списки в рамках одной редакции ("Луг Духовный" Иоанна Мосха, VII в.) и б) различные редакции одного памятника ("Семь ступеней молитвы" Давида Аугсбургского, XII в.).

Социолингвистической проблеме соотношения понятий "литературный язык" и "письменный язык" применительно к языкам малочисленных народов Севера РФ был посвящен доклад А.А. Бурыкина (Санкт-Петербург), обратившего внимание на две отличительные особенности литературного языка: 1) тождество литературного языка и письменного языка (по причине отсутствия у литературного языка устной формы) и 2) зарождение литературных языков малочисленных народов вне своей этнической среды – они зародились в среде двуязычных пользователей языка с активным участием представителей русско-национального двуязычия. Степень обработки и широта функций обработанных языков позволяют говорить об эвенкийском, ненецком, мансийском, чукотском и корякском как о литературных языках, с хантыйским и навайским языками ситуация не ясна. В докладе А.Х. Гирфановой (Санкт-Петербург) речь шла о категории эвиденциальности. Автор пока-

зал, что в удэгейском языке формы прошедшего времени I и II ("очевидные" и "неочевидные") различаются семантически только в одном из двух диалектов – в хорском, тогда как в бикинском диалекте оба ряда форм оказываются синонимичными. Докладчик привел также примеры данной категории из тунгусо-маньчжурских, тюркских и монгольских языков.

В секции **албановедения** было прочитано два лингвистических и четыре литературоведческих доклада.

Вопросы албанского коммуникативного синтаксиса стали предметом исследования И.И. Ворониной (Санкт-Петербург). Автор выделил ряд специфических способов оформления коммуникативных единиц (тема- и ремавыделительные комплексы), выявил избыточность маркировки коммуникативных единиц в вопросительных и побудительных предложениях и указал на большую роль экстралингвистических факторов. Проблема вхождения латинского элемента в албанскую лексическую систему был посвящен доклад А.П. Сытова (Санкт-Петербург) и Л.В. Шарановой (Санкт-Петербург). Главное внимание уделялось изучению способов морфологической адаптации именных и глагольных латинизмов в албанском языке. При рассмотрении глагольных заимствований авторы подчеркнули необходимость анализа соотношения формы этимона и той адаптационной модели, на базе которой оформлялись латинские глагольные лексемы при вхождении их в албанскую систему спряжения (в частности, необходимо учитывать всю совокупность личных и неличных форм латинского исходного глагола). Также были представлены соответствия по признаку рода латинских и албанских имен существительных. Литературоведческие доклады были посвящены проблемам теории и истории албанской литературы. В докладе Г.И. Эйнтрей (Санкт-Петербург) речь шла об изменениях в албанской литературе, в частности в романной прозе, которые произошли в период после падения режима Э. Ходжи. Изменения касаются как содержательной стороны (внимание писателей фокусируется не на социуме, а на человеке как таковом), так и формальной (возникают новые формы романа: параболы, исповедь, воспоминание). «Феномен "Декамерона"» в албанской прозе состоит в том, что наиболее продуктивной структурой романа оказалась цивилизация новелл, связанных общей идеей, темой, стержнем сюжета, но имеющих вместе с тем самостоятельное содержательное и художественное значение. Доклад А. Джин-

к у (Тирана, Албания) был посвящен типологии албанского романтизма. Автор считает, что в рамках романтизма как литературного направления работали три группы авторов, представлявшие собой три школы: а) Де Рада и арберешские поэты, б) Н. Фрашери и его последователи, в) Г. Фишта, Н. Мьеда и другие поэты Северной Албании. В отношении языка эти три группы ориентировались соответственно на: итало-албанский, тоскский и гегский типы речи. Вклад школы Н. Фрашери в создание современного литературного языка наиболее значителен, а произведения авторов этой школы понятны современному читателю. Ф. Дадо (Тирана, Албания) в своем докладе говорила об особенностях драматургии А.З. Чаюпи, В. Беджети (Скопье, Македония) – об идеях пантеизма и бекташизма в поэзии Н. Фрашери.

Широкий спектр балканистических проблем обсуждался в секциях **балканистики** и **балканского языкознания**.

В докладе И. Савицкой (Познань, Польша) был представлен обзор и интерпретация явлений, связанных с функционированием групп согласных типа НД в балканских языках. На основе анализа фонетических явлений, относящихся к парадигматическому и синтагматическому аспектам проблемы, автор устанавливает наличие таких процессов, как озвончение глухих смычных после носовых сонантов, слитное или геминантное произношение групп согласных типа НД, произношение этих групп в начале слова, тенденция к функциональной эквивалентности групп НД и соответствующих звонких смычных, различные субституции и паразитические звуки как результат названной тенденции (напр., "буферный согласный"). Автор дал распределение этих процессов по всем балканским языкам и диалектам, указав также, что дублетные формы корней типа *m/mm/mb* найдены во фракийском языке. Методологическую направленность имел доклад Л.Н. Каминской (Санкт-Петербург) и Ю.А. Клейнера (Санкт-Петербург). Авторы обратились к проблеме выявления причин, приводящих к появлению сходств в балканских языках как языках преимущественно анклавных. В качестве предмета исследования были выбраны "фонетические балканизмы" – отчасти в силу их сравнительно малой изученности, отчасти в силу дискуссионности самого вопроса о правомерности рассмотрения тех или иных фонологических явлений в качестве балканизмов. При установлении характера взаимодействия языков, входящих в языковой союз, особую важность приобретает системный статус анализируе-

мых явлений. Для фонологического уровня необходимость установления подлинно системных соответствий диктуется самой природой последнего, являющегося средоточием различных по характеру явлений и процессов. Доклад О. Томич (Лейден, Голландия) был посвящен посессивным клитикам в балканских языках.

Два доклада касались проблем палеобалканистики. И.А. Калужская (Москва) в своем докладе указала на роль современных балканских и славянских языковых данных при реконструкции отдельных палеобалканских глосс. Речь шла, в частности, о дакийской глоссе $\mu\acute{\iota}\zeta\eta\lambda\alpha\theta\acute{\upsilon}\mu\omicron\varsigma$ "чебрец", представленной набором разночтений, что требует дополнительного анализа для установления наиболее корректной базовой формы. Привлечение славянского и литовского материала, с одной стороны, и албанского и румынского – с другой, позволило автору восстановить дакийское $\mu\acute{\iota}\zeta\eta\lambda\alpha$ / **medzelae* продолжающее и.-е. **me-gh-*. Форму **medzela* автор рассматривает как и.-е. композит **me-gh-* + *ghe-la* "мелкое, маленькое растение", название, которое вполне закономерно могло отразиться в алб. *modhull(а)* "выющееся растение семейства *Lathyrus aphasa*, чина" и рум. *măzdre* "горох, фасоль". В докладе А.Б. Черняка (Санкт-Петербург) речь шла о наименовании Фракии, а именно, о позднереческом $\Theta\rho\alpha\kappa\iota\alpha$ (Θρακία), которое впервые зафиксировано в надписи IV в. и представляет собой передачу лат. *Thracia*. Запланированный доклад А.И. Фалилеева (Дублин, Ирландия – Санкт-Петербург) был посвящен вопросу передвижения согласных во фракийском языке (см. Материалы...).

М.А. Габинский (Кишинев, Молдова) в своем докладе вернулся к старой дискуссии о языке-источнике вытеснения инфинитива личными образованиями в балканских языках. Ранее автор уже высказывался в пользу мнения о происхождении данного явления из языка-субстрата. Для доказательств этого тезиса докладчик привлек необалканский фактор, т.е. аналогичные явления языков, вовлеченных в балканские языковые процессы сравнительно недавно и потому доступные наблюдению. В частности, были привлечены сефардские конъюнктивные обороты типа *kale ke (f)aga* "должен сделать", возникшие вместо прежних инфинитивных под влиянием старых балканских языков. Проблема славяно-румынского взаимодействия в лексико-семантической сфере был посвящен доклад Г.П. Клепиковой (Москва). Наблюдаемое в балканских языках явление межъязыковой изосемии интерференционного

характера автор рассматривает на примере румынского славизма *vreme*, для чего выявляет полную семантическую амплитуду данного славизма в румынском и соответствующей лексемы в языке-источнике. Результаты исследования показали, что «румынский язык ..., вследствие взаимодействия со славянскими, выработал типологически сходные с ними способы выражения концептов 'времени' и 'погоды', которые характеризуются использованием лексем с "первичной" семантикой 'время'». В докладе Ю.А. Лопашова (Санкт-Петербург) речь шла об артиклях как элементе грамматической системы языка. Докладчик показал, что артикли в новогреческом языке служат также для выражения синтаксических отношений между членами предложения, являясь иногда их единственным формальным показателем. Так, в частности, наличие или отсутствие артикля при определенном члене предложения влияет на статус последнего, — субъект или предикат, предикат или атрибут, предикат или прямой объект. Данная функция артиклей, считает автор, должна учитываться и при решении вопроса о причинах возникновения артиклей в разных языках. Были запланированы также доклады Т.Н. Молюшной (Москва) о функциональном взаимодействии категории определенности / неопределенности и категории глагольного вида в болгарском языке и Т.Н. Свешниковой (Москва) о роли числа в румынских заговорах от болезни (см. Материалы ...).

Проблемам формирования и развития албанского этноса был посвящен доклад Ю.В. Ивановой (Москва). Ранний период албанского этногенеза восходит к I тыс. до н.э., он связан с иллиро-фракийским миром. Важно при этом, что, как бы ни решался вопрос о происхождении раннеалбанского языка (иллирийская или фракийская гипотеза), археологические и этнографические данные указывают на однородность разных элементов культуры, которая прослеживается на протяжении веков от древних эпох (эпохи бронзы) через Средневековье вплоть до современного состояния народной культуры. Докладчик проследил далее этапы формирования общеалбанского сознания: в Средние века превалировало местное, областническое сознание (на нескольких уровнях), оно стало приобретать характер общеалбанского, начиная с XV в. — эпохи сопротивления османским завоевателям, и прошло несколько важнейших исторических этапов (автор выделяет шесть таких этапов).

В секции **этнолингвистики** было прочитано 8 докладов, тематика трех из них была

связана с результатами этнографических и этнолингвистических зарубежных экспедиций. В докладе А.С. Мыльниковой (Санкт-Петербург), А.А. Новика (Санкт-Петербург) и Ю.Вал. Ивановой (Санкт-Петербург) сообщались итоги этнографической экспедиции 2000 г. в Северную Германию в рамках проекта "Germanica Slavica". Для изучения процесса славяно-германского культурного синтеза были выбраны западные области земли Мекленбург и прилегающие к ним территории на левом берегу Эльбы — Ганноверский Вендланд, где славяно-полабское население сохранялось примерно до XVII–XVIII вв. Проведенные наблюдения касались разных аспектов материальной и духовной культуры жителей указанных областей. Отметив трудность выявления здесь славянского субстрата, авторы, однако, сочли возможным назвать некоторые элементы наследия севернополабской культуры, оказавшей влияние на развитие немецкой народной культуры. Это, например, *рундлинг* — круглая деревня (по типу планировки), характерный для рундлинга *халленхаус* — дом-двор, некоторые орудия труда, культ березы и использование только этого дерева в праздничных обрядах, славянская тема в немецком фольклоре и др. Итогам экспедиции в приазовские поселения греков были посвящены доклады А.А. Новика и Е.В. Перехвальской. А.А. Новик (Санкт-Петербург), кратко обрисовав историю заселения Приазовья греками, основное внимание сосредоточил на вопросе сохранения элементов традиционной культуры, — в сфере греческой кухни, предметов старой мебели и утвари, отметил преобладание синего и голубого цвета в тканых изделиях и предметном мире. В докладе Е.В. Перехвальской (Санкт-Петербург) была дана характеристика социолингвистической ситуации, существующей в настоящее время в греческих селениях Приазовья. Приазовские греки в языковом отношении делятся на две группы: румеи, говорящие на диалектах новогреческого языка, и урумы, язык которых относится к группе тюркских языков. Понятие о своей этничности приазовские греки связывают с румейским языком, который обладает высоким престижем в их глазах и который они стремятся сохранить. Доминирующим языком является русский, румейский оказывается вторым — не только по сфере применения (это язык бытового общения), но и по степени компетентности говорящих на нем. Румейский язык функционирует исключительно как язык диалогической речи, румеи не могут даже составить на нем монологический

текст. По мнению докладчика, румейский передается и запоминается как набор формул "вопрос = ответ", которые изначально запоминаются как формульные клише. Существовая в такой "клишированной" форме, язык, однако, обладает важной функцией, выступая для носителя как средство самоидентификации. Урумский такой функцией не обладает и, возможно поэтому, степень его сохранности существенно ниже. Этнографические проблемы были в центре внимания доклада Д.Е. Никогло (Кишинев, Молдова) о "балканских" традициях питания у населения Южной Бессарабии. Историографический обзор сведений о молдавском господаре Василе Лупу (Василии Албанце) был дан в докладе Н.Г. Голант (Санкт-Петербург). Автор использовала данные, содержащиеся в летописях, записках путешественников, легендах и даже исторических романах относительно происхождения этого господара и его деятельности, направленной в том числе и на развитие молдавской культуры. В двух докладах рассматривались в историческом аспекте вопросы культуры на Балканах. В докладе В.Н. Федотовой (Москва) речь шла о немецких влияниях в болгарской культуре первой трети XX в. Вопрос о развитии художественных традиций был поставлен в докладе В.С. Федотовой (Москва), посвященном окладам на престольных Евангелий в России и на Балканах XVI–XVII вв. Доклад М.М. Аламшоева (Душанбе, Таджикистан) содержал этнолингвистическое рассмотрение лексики шугнанского языка. Автор проанализировал две лексические единицы – *чарв* "топленое масло" и *хувд* "молоко" и показал, что эти слова до сих пор сохраняют как древнюю мотивировку, так и архаическую форму, поскольку обозначаемые ими реалии значимы для шугнанцев и в настоящее время не только в практическом, но и в ритуальном плане.

На заключительном пленарном заседании были прочитаны три доклада, касающиеся проблем балканистики, ареальной лингвистики и типологии. В докладе Б. Беци (Париж, Франция – Тирана, Албания) был поставлен вопрос о происхождении общих черт балканских языков. Автор отвергает теорию Кр. Сандфельда о преимущественно греческом происхождении большинства балканизмов. На основании данных исторической диалектологии албанского языка Б. Беци приходит к выводу о том, что отличительные признаки южного (тоскского) диалекта албанского языка (они же и балканизмы ал-

банского) возникли относительно давно, они распространились по всему албаноязычному ареалу в эпоху, предшествующую приходу славян на Балканы, влияние соседних языков на развитие албанских диалектов исключается. В докладе Е.Р. Крючковой (Санкт-Петербург) речь шла о некоторых общих чертах южноазиатского языкового союза, включающего языки нескольких неродственных семей Индостана и сопредельных территорий. Автор указывает на необходимость учитывать не только собственно ареальные изоглоссы, но также и микроареальные, и сверхареальные. К числу последних относится, например, система сложновербальных глаголов в южноазиатских (все индоарийские и дравидийские) и среднеазиатских (таджикский, узбекский и другие тюркские) языках. Докладчик назвал явления, которые можно интерпретировать как результат косвенной интерференции (когда влияние одного языка стимулирует развитие процессов, потенциально уже заложенных в другом языке). К их числу относятся: перестройка категории рода и формирование категории персональности (одушевленности) в современных индоарийских языках, употребление грамматически неоформленного имени в восточных индоарийских языках. В докладе М.В. Русаковой (Санкт-Петербург) и А.Ю. Русакова (Санкт-Петербург) была рассмотрена в типологическом плане категория уменьшительности в русском языке. Авторы анализировали сочетаемость, функционирование и семантику русских диминутивов. Говоря о семантике уменьшительных суффиксов, авторы указали на смещение центра от прототипического значения в сторону коннотативного и о включении уменьшительных образований в прагматическую составляющую высказывания. В атрибутивных сочетаниях отдельные значения реализуются не у каждого из членов, а в словосочетании в целом.

Помимо дискуссий по докладам, в ходе конференции были высказаны пожелания издать полный текст докторской диссертации А.В. Десницкой и переиздать ряд ее работ, объединив их по определенным темам: германистика, сравнительно-историческое языкознание, албановедение и балканистика, история языкознания.

А.В. Жугра
(Санкт-Петербург)

Девятая международная конференция, посвященная истории наук о языке (International conference on the history of language sciences), прошла с 27 по 30 августа 2002 года в университетах Сан-Паулу и Кампинаса (Бразилия). В ней приняли участие более ста исследователей из Европы, Азии, Северной и Южной Америки.

Доклады, представленные на конференции, были посвящены шести основным темам:

1. Развитие и преподавание языков и наук о языке в Бразилии;
2. Страницы из истории изучения отдельных языков и грамматических традиций;
3. К истории изучения лингвистических понятий и концептов;
4. Роль школ и течений в истории лингвистики;
5. История лингвистики в контексте развития смежных дисциплин;
6. "Роль личности в лингвистике" – доклады, посвященные работам отдельных выдающихся лингвистов.

Ведущие доклады, посвященные развитию и преподаванию лингвистики в Бразилии, были представлены бразильскими исследователями. Открыл конференцию пленарный доклад Э. Орланди (Бразилия), посвященный развитию и становлению структурализма в Бразилии. Ее соотечественник Х. Фьорин, в свою очередь, рассказал о преподавании лингвистики и филологии в бразильских университетах.

Среди докладов, посвященных истории изучения отдельных языков и грамматических традиций, отметим сообщение П. Серрио (Швейцария), рассказавшего о развернувшейся в России в 1860–1880 годах полемике, связанной с вопросами синтаксиса: структурой и членением предложения, отношением между понятиями *части речи* и *члены предложения*, взаимоотношениями морфологии и синтаксиса в работах русских лингвистов. Большое внимание было уделено вопросу о первичности (логической, хронологической и т.д.) глагола или имени. Как показал исследователь, в основе многих споров лежали определенные идеологические установки, в частности, романтическая модель, заимствованная славянофилами и нашедшая отражение в их рассуждениях о языке. Методологические рамки доклада задавались понятиями *дух места* (*l'air du lieu*) и *дух времени* (*l'air du temps*), позволившими П. Серрио раскрыть противоречие между изначальной позитивистской направленностью языковедческих работ второй половины девят-

надцатого века в России и свойственными романтической парадигме философскими категориями, к которым обращались исследователи. О русской лингвистике шла речь и в докладе французской исследовательницы С. Аршембо, посвятившей свое выступление формированию русской грамматической традиции, когда на пересечении греческой и латинской традиций постепенно начинала приниматься во внимание специфика конкретных славянских языков. Исследовательница специально остановилась на описании грамматики русского языка А. Барсова (1773 г.).

О перенесении латинской грамматической модели на ранние описания французской грамматики (шестнадцатый век и середина семнадцатого) рассказал Б. Коломба (Франция). Особое внимание было уделено проблеме описания глагольных времен: основой для ранних описаний французской грамматики служила система классификации глагольных времен Присциана, основная же проблема при этом заключалась в том, что французский язык имеет более развитую систему прошедших времен, чем латынь (латинскому прошедшему совершенному времени могут соответствовать простое и сложное прошедшие времена во французском). Поэтому уже в грамматике Пийо (1530 г.) система глагольных времен Присциана расширялась: в ней выделялось два претерита, определенный и неопределенный. Эту модель переняли и последующие французские грамматики; проблемы же, связанные с классификацией глагольных времен во французском и с возможностью перенесения модели грамматики одного языка (особенно языка "престижного") на грамматическую систему другого, обсуждались еще очень долго, вплоть до середины восемнадцатого века.

Сообщение Ф. Мазьери С. Делесаль (Франция) было посвящено практически не изученной до настоящего времени проблеме взаимоотношения между французскими словарями и грамматическими описаниями, начиная с шестнадцатого века: речь шла об отражении грамматики конкретного языка в толковых или двуязычных словарях; о внимании, которое уделяли определенной лексике те или иные грамматические описания; о словарях и грамматиках, написанных одними и теми же авторами. Большое внимание исследовательницы уделили появившимся приблизительно в одно время "Всеобщей и рациональной грамматике Пор-Рояля" (1660 г.) и словарю французского языка Французской Академии (1694 г.): две эти работы, по их мнению, знаменовали собой очевидный раз-

рыв французских грамматиков и лексикографов.

А. Поцхишвили и Т. Цинцадзе (Грузия) рассказали о грузинских грамматиках второй половины восемнадцатого века — времени возрождения культурной и научной жизни в Грузии, а К. Асланов (Израиль) — об описательно-нормативных и сравнительно-исторических грамматиках семитских языков, написанных в Германии в девятнадцатом веке.

Многие доклады были посвящены анализу отдельных лингвистических понятий и концептов. Ж.-Л. Шисс (Франция) посвятил свое выступление возникновению понятия *родной язык* и развитию его от Августина, предлагавшего его толкование в христианском аспекте, до В. Анри и Ш. Балли, секуляризовавших оппозицию приобретаемого естественным путем (*langage reçu, transmis, hérité*) и сознательно выучиваемого (*langage appris, acquis*) в языке. Е. Вельмезова (Россия) рассказала о понятии *остановившейся эволюции* в работах русских и советских лингвистов первой трети двадцатого века, а К. Пюеш (Франция) сделал сообщение о появившемся в конце девятнадцатого века понятии *внутренняя речь* и его интерпретации представителями разных гуманитарных дисциплин, прежде всего, психологами и лингвистами. В. Раби (Франция) рассказала об эволюции понятия *предложение* в универсальных грамматиках, написанных французскими лингвистами. В большинстве случаев универсальные грамматики использовали это понятие как точку отсчета для лингвистического анализа. Но если для "Граматики Пор-Рояля" предложение (простое или сложное) одновременно являлось и предельной внешней единицей этого анализа, более недавние грамматики оперировали скорее понятием *фразы*, которая, согласно последним грамматикам, должна содержать по меньшей мере одно предложение и обладать смысловой завершенностью. Эта переориентация грамматики стала возможной благодаря изменившейся интерпретации понятия *предложение*: сегодня соответствие между *предложением* и *суждением* уже не считается неоспоримым.

Большой интерес вызвал доклад И. Розье-Каташ (Франция), посвященный рассуждениям о сущностном единстве всех языков (ср. формулировку Аристотеля в латинском переводе "*idem apud omnes*") и случайном характере различий между ними в Средние века и Эпоху Возрождения (Р. Бэкон, Данте).

Среди докладов об отдельных школах и течениях в лингвистике отметим сообщение Д. Самэна (Франция), посвятившего свое выступление критике Г. Шухардтом, М. Бреалем и Ж. Жильероном фонетических законов, сформулированных младограмматиками — А. Лескином (1876 г.), а затем К. Бругманом и Г. Остхофом (1878 г.). По мнению исследователя, эта критика отражает две разные эпистемологические традиции, французскую (социологическую) и немецкую (экспликативную).

Попыткам заимствования позитивистской методологии из естественных наук в лингвистику и философию языка через посредство работ О. Конта и Э. Дюркгейма посвятил свой доклад П. Лорендо (Канада).

Г. Хасслер (Германия) представила анализ текстов, к которым прибегали французские идеологи восемнадцатого века при построении понятийно-концептуальной парадигмы. Среди этих текстов — конференции и дебаты в Эколь Нормаль (тексты с очевидной прагматической направленностью); тексты, составленные в результате распространения циркуляра министра внутренних дел с требованием к профессорам высших школ прислать в Министерство копии диктантов (серия текстов, составленных с целью пропаганды методов развития умственных способностей учащихся — "учебники грамматики и психологии с идеологической доминантой"); тексты, появившиеся в связи с объявленным в конце восемнадцатого века Институтом Франции специальным конкурсом, предлагавшим поразмышлять о природе знаков. В отдельной части доклада говорилось о распространении влияния французских идеологов в Испании, Португалии и странах Латинской Америки. О преподавании в девятнадцатом веке в Аргентине последователей французских идеологов рассказала С. Фишер (Франция).

Ряд сообщений был посвящен истории лингвистики в контексте развития других гуманитарных дисциплин. Так, Д. Легаллуа (Франция) сделал доклад об отражении принципов гештальтпсихологии в лингвистике двадцатого века: уже Б. Уорф развивал в своих работах теорию изоморфизма, восходящую к немецкому психологу М. Вертхеймеру. Приблизительно в то же время Э. Сэпир предложил принцип описания фонологических структур в терминах, которые можно назвать не только структуралистскими, но и связанными с гештальтпсихологией: отдельные части системы (фонемы) определяются всем целым фонологической структуры конкретного языка. Отдельная часть доклада

была посвящена обзору опирающихся на основы гештальтпсихологии теорий о языке в современной лингвистике. Интерес вызвало и сообщение Ж. Леон (Франция), рассказавшей о развитии методов автоматического перевода в пятидесятые годы двадцатого века и поднимавшейся гораздо раньше, но очевидно связанной с теорией машинного перевода, проблеме универсальных языков. О влиянии интереса к универсальным вспомогательным языкам общения в конце девятнадцатого — начале двадцатого века на проекты реформирования специализированной лексикографии (словари терминов, научной номенклатуры и т.д.) рассказал Д. Саватовски (Франция).

Несколько докладов, посвященных "роли личности в лингвистике", было связано с именем В. фон Гумбольдта. Особенно интересным был пленарный доклад Г. Аарслеффа (США), обратившегося к контексту возникновения известного гумбольдтовского утверждения о том, что язык "*ist kein Werk (Ergon) sondern eine Thatigkeit (Energeia)*" — принципа, со всей очевидностью выраженного в одном из последних значительных исследований ученого, работе, посвященной языку кави (1836–1839 гг.). К. Янковски (США) выступил с пленарным докладом о немецком ученом восемнадцатого века Й. Райске, вклад которого в изучение восточных языков и культур (прежде всего, арабской), классических языков и истории трудно переоценить и сегодня. Н. Керчук (Великобритания) посвятила свое выступление А. Потебне и Л. Выготскому. Исследовательница проанализировала базовые философские и психологические основания их концепций и рассказала о влиянии работы А. Потебни "Мысль и язык" (1862 г.) на основные положения труда Л. Выготского "Мышление и речь" (1937 г.).

10–12 октября 2002 г. в Тартуском университете (Эстония) состоялась международная научная конференция "200 лет русско-славянской филологии в Тарту". Заседания проходили в новом здании Отделения русской и славянской филологии, расположенном в классическом, XIX века, особняке. Всего было заявлено более 40 докладов и почти все они прозвучали на конференции.

Тартуский университет имеет долгую и блистательную историю и по праву считает-

В пленарном докладе А. Алквиста (Ирландия) говорилось о необходимости обращения к работам некоторых теоретиков языкознания прошлых лет для принятия правильных решений в контексте сложных проблем современной языковой политики. Так, еще в 1963 году, через сто лет после появления первого декрета, признающего официальный статус финского языка в Финляндии и его формально равные права со шведским (именно с 1863 года финский язык вводится в школьное и университетское преподавание, на нем начинают печататься периодические издания и художественная литература), Б. Коллиндер издал работу, где говорилось об огромном значении, которое следует уделять родным языкам широких масс при принятии политических решений, связанных с соответствующими народами. По мнению докладчика, этот принцип кажется отчасти забытым некоторыми современными политиками, что в какой-то степени способствует разжиганию национальных конфликтов в многоязычных государствах.

В завершающем пленарном выступлении С. Ору (Франция) представил обзор развития наук о языке за последние двадцать лет, особенно подчеркнув важность встреч и обсуждений участников конференций ICHOLS. По его словам, прошедшая конференция наглядно показала, что история наук о языке сегодня — это стремительно развивающаяся дисциплина, тесно связанная не только с общим языкознанием и теорией языка, но и с историей, науковедением, философией и многими другими гуманитарными дисциплинами.

К конференции был выпущен сборник тезисов. Отдельные доклады будут опубликованы в специальном сборнике работ участников конференции.

Е. Вельмезова (Москва)

ся крупнейшим исследовательским центром. А начиналось все почти 400 лет тому назад...

Тартуский университет основан в 1632 году по указу шведского короля Густава II Адольфа. Деятельность университета была прервана военными действиями в 1710 году и возобновлена лишь в 1802 году в соответствии с указом императора Александра I. Тогда это был единственный немецкоязычный университет России. Тарту, называвшийся в то время Дерптом, стал местом встречи Востока и Запада. Память первого ректора Г.Ф. Паррота и императора Александра I увековечена на тар-

туском вышгороде Тоомеяги своеобразными памятниками-мостами.

В XIX столетии с университетом были связаны имена таких выдающихся деятелей русской культуры и науки, как хирург и педагог Н. Пирогов, языковед и писатель В. Даль, поэты В. Жуковский и Н. Языков и др. Видный русский филолог А. Будилович в конце XIX века был ректором университета. В 1880–1890-е гг. здесь преподавал выдающийся русский и польский языковед И.А. Бодуэн де Куртенэ, а позднее работали литературовед Е. Петухов, лингвисты Н. Грунский, Г. Ильинский и М. Фасмер. Трудно переоценить роль ученых, выпускников Тартуского университета, как в исследовании и описании России, так и в организации российской науки. Ряд академиков Санкт-Петербургской Академии Наук (К.Э. ф. Бэр, Ф.Г.В. Струве) были связаны с Тартуским университетом. С 1828 по 1838 год при университете работал Профессорский институт, готовивший профессоров для других российских учебных заведений. Феномен Тартуского университета мог возникнуть только в такой уникальной позиции – на "перекрестке" культур, которая обогащала все стороны.

С 1889 года языком преподавания в университете стал русский (Дерпт был переименован в Юрьев). Во время Первой мировой войны университет частично эвакуировали в Воронеж, и местный вуз получил уникальную возможность пользоваться книгами из библиотеки Юрьевского "собрата".

В 1919 году в Тарту состоялось открытие эстонского университета. 1920–1930-е гг. – период зарождения эстонской национальной науки и создания национальной государственности. В это время русские составляли около 5% от общего числа студентов. Существовали русские студенческие общества.

В 1940 г. университет стал советским, однако он поддерживал демократические настроения в республике, помог сохранить науку и высшее образование на родном языке эстонского народа. Наряду с эстонцами в университете учились и представители других национальностей, прежде всего русские, составлявшие почти 10% студентов. На некоторых факультетах имелась возможность учиться на русском языке.

Эта традиция поддерживается на Отделении русской и славянской филологии и в наши дни. Так, в 1950–1990-е гг. кафедру русского языка философского факультета занимали такие известные ученые, как А. Правдин, С. Смирнов и М. Шелякин. Особая среда университетского города и была причиной того, что Ю.М. Лотман, самый вы-

дающийся ученый Тартуского университета XX столетия, создал свое научное наследие в Тарту (он был заведующим кафедрой русской литературы в 1960–1977 гг.).

Сегодня Тартуский университет – крупнейший в Эстонии и единственный классический вуз, в котором развиваются многие отрасли науки, здесь занимаются также прикладными исследованиями. Это создает условия для преподавания на научной основе. В качестве национального университета он сохраняет и развивает эстонскую национальную культуру, а также поддерживает дружеские связи со многими университетами России и Европы. Особенно сильны в этом отношении славистические связи, которым в нынешнем году исполнилось 200 лет. Поэтому симптоматично, что и в наше время университет стал организатором столь значительного форума, на который съехались ученые из Москвы, С.-Петербурга, Киева, других городов, а также стран центральной и южной Европы.

Конференция была организована кафедрой славянской филологии и ее заведующим, председателем Комитета славистов Эстонии А.Д. Дуличенко. Пленарное заседание проходило в здании городского музея при стечении многочисленных почетных гостей. В их числе владыка Корнилий, митрополит Таллинский и всея Эстонии, чрезвычайный и полномочный посол России в Эстонии К.К. Провалов, посол Польши в Эстонии В. Врублевский и другие. На заседании профессора университета С.Г. Исаков и А.Д. Дуличенко рассказали собравшимся об этапах развития славянского литературоведения и языкознания в Тарту на протяжении двухсотлетней истории университета, охарактеризовали вклад русских ученых в становление этих дисциплин, ознакомили слушателей с современным состоянием русской и славянской филологии. Все это вызвало повышенный интерес присутствовавших и большое сочувствие той, несомненно, титанической работе, которую и сегодня проводят тартуские ученые.

Среди докладов, прозвучавших в эти дни, были очень разные сообщения, но тематически и проблемно они объединялись общей идеей, а именно: изучении истории русской культуры, русско-эстонских связей, архивного наследия ученых. Прозвучали многие малоизвестные имена, которые стараниями нынешнего поколения исследователей были воскрешены и оценены уже с позиции интеркультурных отношений.

На конференции выступили: В.Ю. Франчук (Киев) с докладом "Вопросы языка и культуры в эпистолярном наследии тартус-

ких и харьковских славистов", О.В. Никитин (Москва) представил сообщение "В.И. Григорович и славянская филология в России XIX в.", Ю.С. Кудрявцев (Тарту) и В.П. Щаднева (Тарту) рассказали об одном из виднейших представителей славистики первой четверти XX века Л.Г. Мазинге, И.В. Чуркина (Москва) отразила деятельность А.С. Будиловича в Тартуском университете, С.Б. Евстратова (Тарту) коснулась проблемы представлений первобытных славян о природе в работах А.С. Будиловича в сопоставлении с современной этнолингвистикой. Заседание первого дня завершил его председатель А. Кюннап (Тарту) докладом "Михкель Веске и субстратные прибалтийско-финские топонимы северной России".

Отдельное заседание было посвящено специально И.А. Бодуэну де Куртенэ (председатели: В.М. Алпатов, А.Д. Дуличенко) и охватывало разные стороны его жизни и деятельности, малоизвестные факты преподавательской биографии ученого. Все доклады "бодуэнологической секции" (так ее "окрестили" участники) вызвали огромный интерес аудитории. Из докладов, прозвучавших на ней, отметим выступления В.М. Алпатова (Москва) "И.А. Бодуэн де Куртенэ и лингвистика XX в.", Е. Вельмезовой (Москва) "Языковая эволюция в работах И.А. Бодуэна де Куртенэ". Выступление докторанта К. Кенды-Еж (Любляна) "Фонетический облик словенских говоров в исследованиях И.А. Бодуэна де Куртенэ" прозвучало на словенском языке и внесло в общий строй работы конференции живую интонацию мелодичного и гармоничного голоса славянской стихии и с большим сочувствием было воспринято слушателями. Заявленный доклад Б.М. Гаспарова (Нью-Йорк) "Идея фонемы в евразийском контексте: Бодуэн и Ильминский", по его просьбе, был прочитан А.Д. Дуличенко. После перерыва заседание продолжили сообщения А. Золтана (Будапешт) "Взгляды И.А. Бодуэна де Куртенэ на палатализацию заднеязычных в работах О. Ашбота", Э.В. Романчик (Тарту) "И.А. Бодуэн де Куртенэ и кашубский вопрос", Г.А. Лилич (С.-Петербург) "Профессор И.А. Бодуэн де Куртенэ как экзаменатор", З.А. Пахолок (Луцк) "Роль И.А. Бодуэна де Куртенэ в становлении и развитии научного таланта Н. Крушевского".

Далее заседания (председатели И.В. Чуркина, И.П. Кюльмоя) также продолжились докладами языковедческой проблематики. Было заслу-

шано выступление М.Ю. Досталь (Москва) «Проблемы истории российского славяноведения в тематических выпусках "Ученых записок Тартуского государственного университета" в 70–80-е гг. XX в.». Л.А. Рябова (Тарту) охарактеризовала труды В. Полевого и значение его опыта создания сравнительной грамматики славянских языков. Последовавшее затем сообщение Л.П. Лаптевой (Москва) приоткрывало еще одну забытую страницу русского славяноведения – жизнь Е.В. Петухова и его деятельность в Юрьевском университете в 1895–1918 гг. М. Салупере (Тарту) выступила с интересным докладом на тему "В.М. Перевощиков – профессор русского языка и словесности Дерптского университета". Заседание продолжили доклады Е.Е. Королевой (Даугавпилс) "О Балтийской экспедиции Института этнографии АН СССР 50-х гг. XX в." и Г.М. Пономаревой (Тарту) "Студенты-слависты Тартуского университета (1918–1944)".

Отдельная секция (председатели С.Г. Исаков, Л.Н. Киселева) была посвящена литературоведческим проблемам, лотмановедению, проблемам синкретизма литератур и славянской семиотики.

В заседаниях языковедческой секции особое внимание участники уделяли именам русских филологов, работавших в разное время в Тарту, исследованию их архивного наследия и биографий. Но были также и весьма содержательные сообщения по смежной проблематике. Так, С.И. Рагрина (Тарту) сделала доклад «"Руська мова" Великого Княжества Литовского и русинский язык (к развитию концепции Тартуской школы славистики)», Л.В. Дуличенко (Тарту) рассказала о функциях забытых слов и их значениях на материале "Толкового словаря живого великорусского языка" В. И. Даля. О.Н. Паликова (Тарту) охарактеризовала историю создания "Русско-эстонского словаря" (1940–1947 гг.) П. Арумаа, Б. Правдина и И.В. Вески. Прозвучали также доклады И.В. Абисогомян (Тарту) "Славянская филология в Тартуском университете", Е.В. Антушевой (Тарту) "Г.А. Ильинский-этимолог (тартуский период)", Н.А. Нечунаевой (Таллин) "Славянские гимнографические рукописи из коллекции Научной библиотеки Тартуского университета", И.П. Кюльмоя (Тарту) "О некоторых вехах в развитии тартуской русистики", Э.-О. Хааг (Тарту) "Синтаксис в учебном процессе в Дерпте в XIX в.", О.Г. Ровновой (Москва) "Вопросы русской аспектологии в трудах Тартуского уни-

верситета", К.П. Алликметс (Тарту) "Способы предъявления социокультурной информации в учебниках по русскому языку для эстонцев", Х.Ю. Виссак (Тарту) «Тартуская традиция создания пособий и словарей по специальности "Правоведение"».

Из культурной программы отметим следующие события: состоялось посещение домов, где жил и работал И.А. Бодуэн де Куртенэ и одной из университетских аудиторий, носящих его имя (там, по рассказам тартуских коллег, в конце XIX века, преподавал ученый), гостям провели интересную экскурсию по старинным уголкам города, его центральной части, паркам и скверам, мостам. Участники конференции посетили музей университета, ознакомились с работой его факультетов и подразделений.

Во время проведения конференции в залах Отделения русской и славянской филологии университета была развернута выставка научных изданий и публикаций тартусцев. Среди них немалое место принадлежит трудам и книгам Ю.М. Лотмана – прежде всего его знаменитому трехтомнику "Избранные статьи" (Таллин, 1992–1993), впервые десять

лет тому назад открывшему российскому читателю многожанровое наследие Лотмана-историка и публициста, киноведа и семиотика, культуролога и историка литературы... На выставке были представлены и другие его книги, а также содержательные выпуски ученых записок Тарту "Slavica Tartuensia"; особенно запомнился мемориальный IV том памяти Н.И. Толстого (Тарту, 1998) со статьями крупнейших филологов-славистов на более чем десяти больших и малых языках. Гости конференции ознакомились и с иными интересными изданиями, в том числе и материалами ежегодных конференций молодых ученых.

В целом стоит отметить, что международная конференция "200 лет русско-славянской филологии в Тарту" стала значительным событием в культурной жизни русских в Эстонии, в мировой славистике в целом и подтвердила вновь неугасающий интерес к лингвистической и литературоведческой проблематике, где одно из центральных мест занимали и занимают слависты из России и сопредельных стран.

О.В. Никитин (Москва)